

МИХАИЛ ПОБИРСКИЙ

Небо

на рынке купили огромную мясорубку, железную мясорубку, никелевую
мололи маковые головки, опиумные головки красного мака мололи
потом кололи вены, вены кололи, мне хочется радиорубку построить с
антеннами
потом покататься на тракторе, синем тракторе по янтарному полю, боли
тревожили молоденьких хиппушек, смешных, с хаератничками и как есть
я же лежал где-то рядом, мирно смотрел на звезды и пел нудную песнь
о любви и страдании, кто же полюбит меня красивую, думала дева
системная, полубезумная, с розовыми щечками и кровоподтеками, крестик
смешно обволакивается волокнами чистого спирта, я Адам, ты Ева
наши души - сплетение различного свойства материй, я устал от мистерий,
от угара, от самых бессмысленных помыслов, направленных лишь на спасение
воскресение, я брожу по лесу, собираю растения, грибы, псилоцибы разные,
опасные и не очень, я совсем еще маленький, метра может быть
два, у нас под домом чудная трава, не чуйская конечно, но живая
нас столько много, в наркодиспансер нас не поместят сразу всех
лишь только половину иль меньшую, неумершую часть тех, кто имеет
свойство растворятся в тени большого дерева, Секвойи, устал,
оброс и пользую помои, ну в смысле офигенного шампуня, бедняжка
кровушкой малюя какие-то нездешние пейзажи, я занял пару денюшек
у Саши, по прозвищу "Арда", фамилия наверно Ардаманский
хотелось мне купить мафон тайванский, а вместо этого
растворы и Арда с его машинкой полной вдохновенья и колкости салонной,
я ушел туда где там Абсент, колонны, поэт Рембо в вонючем заведении
где бляди цыкают и пахнет чем-то гадким, наверно ништяком
каким-нибудь французским, ну я не знаю, был бы босяком
пошел бы по миру с сумою, но со мною такого быть не может
ибо за двойственностью не отыщешь сути, на кухне говорят о
сексе люди, с глазами освежеванных амфибий, их гложет
похоть, химия и старость, я приходнулся ну совсем ведь малость
забился в угол зайцев рисовать, большим фломастером, а в ванной
басмачи, нездешние, черные очи - насилуют кого-то, наверное
таджики иль просто ну очень грязные рабочие, что Окна Роста
у нас тут окна прямо на миры, которые не снились Ловекрафту
я пью вино, пишу записки Кристиану Крахту, чтоб выслал денег
сука и буржуй, Арда припал к стене и как-то бледен стал,
трясется, сопли жуй а знай как только подскользнется и
перестанет двигать нежным торсом, беги домой,
припарься черным морсом, уйди на дно лет этак на двенадцать,
у шурина устройся на работу, лечи нарзаном подлую икоту, стань тенью
мелкосортного придурка, что слизью дней обмазывает тело
в тесной ванной, такой вот милой, тонкой и желанной
ты показалась мне в то утро, и вторяки твои сладчее пыли
ведь вы меня ребята не забыли, я снова с вами, только изнутри
гори, звезда моя, гори, не изничтожь прекрасные порывы
где вместо вен - зеленые нарывы, а вместо Джона Леннона
цыгане, такие что Кусторице не снились, а Вы совсем
немного изменились лишь спесь сошла да кожа пожелтела
на лестнице лежало чье-то тело, порхали бабочки и пахло
солунаном, я лезвие лизал склонившись над баяном ...

на пляжах Бразилии стройные люди
танцуют немодные танцы, неторопливо
с Кашасой, с кайпириньей, потягивают пиво
говорят о ценах на мясо, о нефтяном кризисе
пена весело бьется, потерлись края бумажника
молодое поколение здешнее выбирает только калашникофф
новый Батиста, весь такой батистовый, лежит на крылечке
подкинутый, задвинутый, завёрнутый в знамя красное
собаки местные шелудивые, купание в речке в России
прописано красным коням, нам же - белое солнце опасное
людям с нежной нордической кожей, блудным детям
города северного, заиндевелого, похеренного всеми и нами
над Бразилией, озерной лилией яркое солнце светит
между Сити и островом - несколько капель в стакане
я скалюсь, смотрю на женщин, крылатых и рассеяных
одетых в цветные тряпицы, прогибаются веером ткани
мулатками земли эти словно просом извечным засеяны
революции запах, чего-то пряного, пыльного
сильного, нездешнего влияния, компанэйро Троцкий
лежит где-то на севере, стонет из склепа фамильного
либерта как признак отчаяния, нрав твой скотский
диктаторский, авторитарный, на площади на товарной
развернули орудия, грудой навалены трупы, полуденно
как-то не очень весело, только в груди моей бьется
латиницей мокрая песенка, Иисус на утлой посудине
огибает аорту порта, над городом мгла, остается
руки заламывать, уповать на черта, город стонет,
грядет реконкиста, там где давеча были красные,
развесили тряпки фашисты
и лишь трейлер рыболовецкий капитана Иисуса Карлоса
очень родной и советский, чем-то похожий на Маркса
летит над землю птицей, волком и богородицей
в саваны нарядится спешит захудалый народец
встречая Иисуса Карлоса, чем-то похожего
на назарянина пригожего, чем-то на Ботичелли,
чем-то на Эскобара, давайте построим качели и храм С-Вами-
Кумара

* * * *

каждому по креолке да с Че Геварой футболке

мима, поймали, белого мима
мио-мой-мио, о как растекается краска
белила чернеют, на мертвенной коже
несколько строчек, от Нимы до Рима
жертвенных птиц на монетах Филиппа Араба
терзали каратели Фатума, боги смеялись
вручали Фортуне своих постояльцев из храма
в Помпеях, где плещется Бахус, смиряясь
с нелестной игрой Сирокко, с кривой погремушкой
пустите несчастного, дайте ж ему насладиться
последними каплями мертвого солнца да дивной ракушкой
игрушкой в руках утопающей черни, песочные лица
скрипят на подмостках, взойдем на костры
поминальные, войте, стенайте, колдунья, тигрица
отдайте его тождеству Пантеона, кудлатого мима, небесная
жрица
коль скоро и нам в колесе зодиака растеряно прятать рога и
хвосты

самые ловкие руки у матушки нашей, которые
могут свернуть, завернуть, отутюжить и враз
сделать похожими фарша комочки, спорые
пальцы, трещинки на мизинце, иконостас
из телевизора сделанный, с желтым бельмом
там внутри проживают асуры, с гнилыми зубами
нездешними ужимками, не рифмуется что-то на "ом"
"ом" это слог восходящего солнца, свастики, губами
ворочаем длинные мантры обесцененных слов, я забыл
где могила Давида царя, на каких перекрестках его хоронили
где хранилась давидова крайняя плоть, в блеклом свете
витрин
я себя ощущаю вьетконговским витязем с пулей в спине, ныли
раны, бинты превращались в пергамент, египтологи роются в
луже
сомнений, чужих, чрезмерных стремлений учредить
планетарный музей
где бы мы онемели, легли в саркофаги, а в мыслях,- "что же

будет на ужин?"
"кто пойдет выносить в серой пакле блевотную слизь
наслоений?", Евсей
что стоит на пороге, он к примеру пастух либо нищий
скиталец, идущий
по дорогам костянным из Парфии в чужой Великий Рим,
сквозь слепую тоску
через села из дыма и города из грошового воска к серебряным
кущам
к декадансу, абсенту, товаркам да к безудержной тяге ко сну
гниющей груди рокотание это ангелов песни, поднесите
кровавой невесте
невесть сколько аршинов нерусской земли, да атласный ковер
Беловодья
работы пропитого мавра Сереги,- "слушай, Батя, ты тресни
а колонку поставь, голытьба эта мне не к лицу" - озирая
родные уголья
цыкал зубом златым однорукий Евсей, а на улице стаи
собачьих голов
снежные бабы пугаются снежных своих сыновей и снежных
ментов, что пуляют
из бластеров снежных в колодец Берилл, я не чурюсь более
основ
забыт, забит, заброшен, огорошен, жид, в кармане жиденко и
звездочка сияет

коченя и крючась, нездешние ангелы, плавные мальчики,
одетые в мантии
сердятся, медленно движутся в вальсе пигмеи, словно из
космоса, словно из детства
народов всех тех, кто предался огню и играм слепым,
бесноватым карателям
я песню пою, детям востока, башкирам седым, что давнишнее
алчут наследство
азиатской земли десять пядей кудрявых да Дуная
бессмысленный гул, тем старателям
в свинцовых рудниках стреляющих в кадетов с каких-то
непонятных мне земель
предание гласит что несколько осталось, героев, помнящих
движение комет, мечтатели
поборники четырнадцати слов, застрявшие в гнилом
кроулианстве, где вместо сланца ель
а вместо слов - укроп, стремительный потоп уносит нас в
страну игристой пыли
забудьте эти символы, приплыли демоны, забегались койоты,
потомки обрусевших гугенотов
я их простил, простите ли их вы, когда придут усталые
волхвы, Иисус уж примет очертание другие
он растворится в боли и похабстве, в спине стилет алмазный,
в вене бродит кто-то
усталый и смешной в костюме пилигрима, сжимая посох
северной рукой, бродяга и изгой, предавшейся стихии
арканов утлых, египетских мистерий, дрожанию Гермеса
Трисмегиста, преданиям атлантов
в мире атом является частицей отлученной от господа и от
благих вестей, в Герате не услышишь новостей
там только опиум да черные солдаты бредут в песке колоною
на юг, ты уж прости меня, нездешний друг
я слаб совсем да веры больше нет, как нету ничего что может
быть умнее чем мрачное молчание гостей
давайте сварим дьявольский отвар из веток липы, двух
тритоньих лап, сирийского шалфея, начертим круг
подпустим тех существ что дремлют в темноте с погашенным
светильником и плачут, какие замечательные клячи
в конюшне чистятся от прений и побед, я умер? - нет, скорее я
живой, ищу любых святых иль хоть ничтожных

я дважды бит, четырежды низложен, под креслом бьется
новая душа, её мы вынем из коробки неспеша, оплачен
разговор на долгие лета, оплачен некой жидкостью, что
формой напоминает собрание анклавов тех безбожных
что бьются на цепи, церберовы вдовцы, я занят тем что отдаю
концы, всем тем кто в драгоценных ножнах
растят улиток мраморных и чтут жрецов невиданных, что
двери магазинов услужливо откроют, их приют
заброшенное солнышко что светит совсем другим, нездешним,
бледным детям, которые бредут в чужих болотах
толкаются в своих непостоянствах и песни очаровано поют,
почти без звука, лишь дрожанием век, кунжут
я так проникся, я нечеловек, я будто бы ничто, я будто бы с
тобой, танцую джигу, бегая по нотам
Лоран, Жиберт, проклятия несут те душные пространные
страницы, я умирал в Брестоле грелся в Ницце
был принят в залах, клялся как Прокруст, дыша в лицо
вчерашним перегаром, лизал кошачьи уши, пил Бурбон
а на дворе присутствовала слякоть, немного перца, чей-то
тихий стон, пряная кровь иссиней голубицы
настолько все хуево, что даже кажется что это не про нас,
прозрачен день, во лбу горит неон

жилистыми руками глину месили, венозными ногами
вытапывали травы
душистые травы из города магов, белые шапки носили
пили дорожную слякоть, играли в ориентальных слепых,
правы
хранители временных откровений, хлябей нижегородских,
снились
мясные ряды, толпы рьяных торговцев сжимающих тушки
собольи
резвятся, льют соболиную кровь на древние души свои, мы
сцепились
на площади, фасады домой подтверждали мои опасения, цвета
высохшей моли
отвыкает мой правый сапог от ненужной ходьбы и харизмы,
кто-то буквами
кормит поседевшую самку свою, я лишь песни пою, да страдая
не чувствую боли
на лежанке в саду умирает лиловый корчмарь, умирает столь
нежно что в пору умилиться
над Пекином даосы пропивают последний юань, до чего
отвратительны Гтобу их желтые лица
на заглавных страницах, на пряже, на сморщенной коже
нездешних монахинь, в ведических гимнах
на арктическом холоде, за пазухой у Ботичелли, на ветрах, на
столетиях, на черствой земле

Анастас Микоян принимает меня и гладит
кавказская лапа его мои золотистые щечки
бессрочны отказные письма, в Элладе
на философов резвых не хватит не веревки не бочки
семгу ели в кремлевских палатах люди в серых бушлатах
оттопыривались по черному, лизали брюшки копченные
один лишь не выдержал - умер, растлен в Эмиратах
известный эстрадный артист по фамилии, впрочем все мы ученые
нам бы фамилии да имена, да немного сырого зерна накормить
всех ворон, что за падалью чешут в Макдональдс, где впрочем и сдохнут
воняют награды в земле их лижет смешной человечек, вчерашних корить
что сегодняшних в Лисьем Носу поднимать за носы, немые оглохнут
ты будешь шутить, разбодяжишь растворчик, мы вмажемся вместе
с Чапаем и Щорсом и с дрянью-писателем, поднебесной дворцы сиротливо
стоят
в ожидании снега и таинств шамана Степанова, к моей мертвой далекой
невесте
писана записка генерала Шаманова, остепенился - засел за кровавый
трактат
о первой чеченской, о вечном Шамиле и демонах, обалденных условиях
мира
без ноги как-то скучно, бухенвальдский набат в Ханкале, францисканский
аббат
с АКМ-ом похож на архангела в ленинской кепке, амины чешут хвост
уйдут в туман сквозь серые посты, а русским плохо - очень плохо быть
ведь надо ненавидеть саму суть, собака есть породы "самоед", что самость
жрет
вот так живем и мы, невинно кушая ошметки дохлой плоти, я в долг беру у
незнакомой тети
ее подземные алмазные мосты, залили в радиатор кубов шесть, ну а теперь
мне хочется поест
забыть все эти методы и цели, кишками привязать тебя к постели и мучать
суток трое напролет
дымится небо, в небе чей-то кот, смешное насекомое из стали, земные
города рассвета не застали

В Ганновере, если отсчитать четыреста шагов от последнего
Перрона, если отсчитать, спуститься вниз с холма
И побежать по направлению к югу, танцуя джигу, переднего
Забудем машиниста, Гроссингера из Галлы, Розенордер,
голова
Когда-то буйного студенческого съезда, теперь лишь
секретарь
На третьем завербованном конвенте, по шпротной банке
бегают термиты
Латышские стрелки уплыли в Нифельхейм, франкомасоны
варят киноварь
Смеется Локи на холсте Магритта, на свежееуничтоженном
холсте, наймиты
Старопрусских областей и Брейгель, как забытое и злое, как
истина и безусловно гарь
Пожаров праведных, святых аутодафе в Гейдельберге,
наверно в Гиссене, отпрянула
Отринула, за кромкой льда не видно оснований и крови
нежной праведной звезды
Отшельники в Садах Семирамиды имеют свойства птиц и
пауков, гранула
змеевидных рассуждений, где розенкрейцеры отменные
лгуны, когда заходит речь и старятся мосты,
Кивая фермами на Охте и на Рейне, за баррикадой видится
закат, рыдает Колумбина
Младые господа отмечены холерой, две оспинки решают две
судьбы, особый город
Не построит Фридрих, на древние руины, на курганы отправят
полк хазар
На завтрак подают хрустящих ящериц в болотной гнили,
жиже, пальто на кухне источает смрад
Антверпенские тролли пьют когнак, кидают кости, дергают
аббата за жирную петлю, вина скоморохам
Не подают, коль жалок виноград, на площади играют в
вознесенье, жонглеры ловкие выводят на парад
Апостолов, отребье бесится, и в бесах праздный суд, судебные
издержки, чертополохом
Застелют стол под аркой, Люцифер откроет книгу - может, это
веды, ну а скорее "Молот"
Благою вестью ворот мой исколот, на дверце вензель, под

кроватькой паж

На самом верхнем ярусе тревожные адепты плетут интриги,
вертится Джордано

Рисуем поплатиться континентом, обнять торговков, выковать
клинок, коллаж

Куски холста прессуются в хрусталь, в овечью шерсть, в
мелодии варгана

В Ганновере, и если отсчитать

мистериями
кормятся
промышляют
единовременным
андрогинами
полна
горница
между
сталиным
между
лениным
одноклеточные
безобразные
желтолицые
да синюшные
пустобрехи
начальники
станции
безответные
да чекушные
в коридорчиках
да подвальчиках
в теплых
ясельках
из материи
корабли
управляются
кормчими
из одной
и той же
артели
лица
желтые
да безцветные
речи
кроткие
с подоплекою
бабы
жилисты
все нетельные

ножи
гладкие
в помощь
отроку
кандалами
закаты
мерюют
по сибирю
ползут
вереницы
по проселочкам
по окраинам
между
зверем
между
птицей

а хвост загнил под небом голубом
попробуй притвориться чуть живым
задержи шторы бережно заправь
обрывки плоти в старую газету
неужто бродите еще по свету
надменный карлик - гений диалога
а помнится когда-то ведь у Блока
с достоинством вкушали кокаин
ах, батенька, остались Вы один
лежать в коробке сделанной из сланца
помянем словием дурным засранца
и свечечку поставим в стороне
растопим сладким истину в вине
внутри собаки пусто говорите
плетите девочка изысканные нити
словес пустых гитарного брюзжанья
шестидесятых треснет основанье
струна порвется и не взять аккорд
своих героев не хоронит Норд

мышь там, Иосиф Виссарионович, прости нас грешных
большая серая мышь, беременная лингвистка, воровка на доверии
говорит на эсперанто, расчленили по косточкам деток Берии
всех отправили в лагерь, над входом в гостинную - петля
в петле один знакомый архитектор, из общества Куняев и Завыло
переругивались хозяйшки, жилистой ветчинки Орфею не хватило
по уголкам шманается, виднеется исподнее ограниченного Кирилла
Кирилл ограничен не потому что там как-то ему там неплохо
и все такое, а время уж больно лихое, замученного в гестапо
композитора Блоха
Кириллу не ставили вертлявые суки-сестрички, а ставили клизмы
аминазину немного добавляли для остротки, суточные эвфемизмы
в парадной гнездились бесконечные синие коляски белые как
полотно
штук может семьдесят аль пятьдесят, Кирюша пристально смотрел,
но
колясочная пустота нагоняла тоску, за каждое наказание в
соседнем доме
получаешь пизды в своем, усвоенное в угол не поставишь, соседка
Шурочка в коме
надо соответствовать, сначала заикаешься а потом икаешь,
зачитываешь эпитафии
над входом табличка "Входящему рады", сделайте Кирюшу Белого
Начальником
Всеславянской Рады, не той что с терновником, рада из ряда
калашного
Рада-Радешенька, радистка отважная, вся черно-белая, хитро
отважная
над ухом четырнадцать дырочек черных, иголок не хватит на всех
шалопаев
колоть суррогатным надзвездием на задницах звезды смешным
вертухаям

картонки глотают любители теплых капелек
прибереги для суженого кремневый оберег
ходят охранные псы с холодильными установками.
перуанскую свободу отстаивают греки с винтовками
бродячие мальчишки задирают юбки карманщицам
отрадно, что стыдно бывает и томным обманщицам
злостные нарушители общественного порядка в трауре
их свиней закопали на площади, дауны, в бравуре
производного, в артели подобного, торгуют афишами
событийность крайне изломана, проступают оттенки прошлого
нежные руки в синих разводах, будите шута огорошенного
он принесет немного гуманности в ваши вечные изыски
матушку бедную, этими вьючными ладогами, невками, призраки
мойки, каналы обводные, улицу горького, терпкого, сладкого горя
слишком мы все заморочены, нас было намедни четверо, сегодня -
трое
да и те какие-то лапушки, слишком уж стильные, руки мыльные
глазки с прищуром, не примажешься, трапезы в домах у вас
обильные
как нажрешься, мало никому никогда не покажется, блевать
поспешите
или градусник молча достанется черному, статному, князю, вы
только решите
как скоро придете, попросите чаю, рассупоньтесь молча в
прихожей
до степени крайней раздетости, прошлые старания приведут к
бездетности, схожи
нож да рапира, кинжал да крючок на ботинке пожарного, амбарами
переучетами, невыносимыми зевотами, плавают сыр в масляных
лужицах
какие-то баснословные башли, листик желтенький в парке
кружится
пастораль осенняя, вороны стареют в подвалах, вьюга зимняя
о чем меня просила ты, о чем я просил тебя, ломтик инея
барсик, пушечка, подружечка, мертвая в столике резном, на
копытце расписном
снова выступила влага, я не знаю как меня терпит бумага, сном
молитвами, праведными деяниями, архиепископами с
раздвоенными хвостами,
я заклинаю пришедших, ушедших и дядюшку Свифта на миг
возвратиться
взяться за ум, отстрелять, отметить, потом вновь убится
наверное все

русские танки в париже зимнее небо монмартра
бьется коровье сердце там где читали сартра
жрали длинные булки любили в домах из стали
томные демиурги закутаны в серые шали

в спальне, изумрудов наполненной, под портретом героя партии
движется малоизученная прелесть, работница уличной хартии
предводителей склочного мира, освободителей северного сияния
рассадник мелочных ожиданий, престола, чьего-то старания
по меркам солдат розовых, парней, плюющихся совестью
клевета все, неужели разродится долгожданной повестью
на севере зайцы отличаются отменным здоровьем
их серые шкуры прокалены браминскими знаками, условием
консолидации служит глиняная кукла, безносый идол
жрецы преют в льняных одеяниях пестрых, он выдал
две пары носок, оловянную ложку, галеты вчерашние
крысиные гнезда расслаиваются налету, отважными
на западе как и прежде, все в общем-то без изменений
прости меня, солнышко, я переусердствовал малость, гений
слов округленных, загнанных в кресты, в овалы, в пентакли
простата больная мешает в деяниях клетчатых, двурушные цапли
тебя угощали людскими забавами, свежатинкой-медвежатинкой
потчивали, трагичные все - удавиться, блевотные, серые лица
из сажи, из лажи, из полуденных спаек, очечков, спичечек, маек
отчасти безумен, на йоту спокоен, в больничных халатах не сыщешь
запоев, лишь дерзкие температурные перепады, зря ты все это
затеяла, кроха, в миндальных глазах отжила, удавилась эпоха
на кухне порвались, треща, занавесы, на тюль злиться плохо
я лучше позлюсь на себя, на безысходные песни, на юности бредни
на блядство, ну и немного на смелость вождей, что намедни
смело поднялись, взошли на портреты, теперь там смеются
а мы подсидим, подошьем, подопьем, рассыпемся, наши посуды не
бьются
лишь скорбно вздыхают под тяжестью сдобы, закрученной лихо чужими
руками
на западе тихо, по-прежнему тихо, лишь город отмечен двумя мясниками

а у нас сегодня в Ереване
двойственность сменилось на латентность
я лежу на стеганом диване
молча, блин, втыкаю в перманентность
подо мною мертвые котлеты, мухи
и кусочек маргарина, на стене
портреты в черной раме, родина
оставила для сына несколько минуток
наслажденья, несколько часов без общей
рыси, рьяно блеют города и выси
гриб подложный подложила совесть
если таковую мы помянем, вырвем
с корнем кровлю и оглоблю, и мгновенье
обратится в вечность, если соизволите
явиться, выйдите на улицы ночные
пьяно заведите злую песню о судьбе
разбойницы Марфуши, на сиденье разложили
уши, всех бандитов местных и громил
я тогда тихонечко убил нежную красавицу
что любит дивное монгольское печенье
с кровью кобылицы на обложке, дергаюсь
в повальной зимней лежке, а вождя
уж нет пятнадцать лет, прозябаем в
жирных популизмах, деточках, сокровищах
и клизмах, я найду народную свирель и
тихонечко сыграю напоследок, в день
когда вернется мерзкий Мерлин, с сундуком,
наполненным корицей, ах ну дайте мне скорей
воды напиться, а иначе словно грозный
Вишну, отберу я алычу и вишню, и как
Лени Рифеншталь, которой годы, отсниму
я эпопею для уродов, для дичайших представителей
вселенной ну и шарфик мне подарят охуенный а
также несколько заслонов бытия, кроватьку
смежную и зеркало кривое, да не уснет
сокровище нагое, невольню пенис нежный
теребя, начнем-ка мы, товарищи, с нуля
откроем снова общества законы, парнишке
местному задвинем на погоны, а сами
убежим туда где радость и две смешные

пули, в ванной гадость, зеленые глисты
какой-то синий лед, и никого с собою
не берет Гагарин, так уставший от полетов
нас греет, как Андрюшка Зотов, из третьего
подъезда, не хватит Буратино антрекотов,
Мальвину просто унесут из зала, к дверям
ее последнего вокзала, где кроют матом
тетки-продавщицы, ах если бы родиться
в теплой Ницце, а не в гадюшнике
поганом на Перовской, куда вы дели
деток, Кашпировский, и почему в такой
неранний час на рынке разрывается фугас
и падают сраженные детишки, все раскидав
пособия и книжки, старуха гордая по
имени Изольда, нам обещала лишь
четыре сольдо, похожие на кисточку
хвоста, слепого похитителя - мента
что покупал на сретенке евреев, а
также двух смешных гипербореев засунул
в воронок и молча скрылся, куда не
знаем, может он разбился в стране далекой
в дебрях Казахстана, а я опять в объятиях
дивана, ем плюшки, рассуждаю о свободе
такие мудаки давно не в моде

не хныч о славе, Силя
слава - это пидер, из клуба пидеров
ты б лучше, сел, голуба, и песню написал
о горьком сострадании и всяческой
гуманной, бля, хуйне, тогда возможно
взяли б в телевизор и посадили рядом
с Жанной Фриски, и дали бы енотов,
блядь, пятьсот на всякие ненужные расходы
по студии катаются уроды, в своих ботинках
ебанных и саже, подумай о судьбе младенца саши
о девочке из города Ебурга, о диких голубях
из Оренбурга, печаль свята, а неизвестность -лакофф
забей на всех, из смрада саркофагов, ты извлекай
полезные мотивы, ешь алычу, проталины и сливы

с мечтами о кущах синайских - заделаешься ориенталистам
придется томиться в изгнании с каким-нибудь местным
фашистом
вместе корана с сутрами станешь читать Муссолини
продали подонки Евразию за сочные спелые дыни

котенок являет собой пустоту мироздания
над городом листья, кривляются серые здания
убийством пристало глушить приболевшую совесть
лишь гадам кремлевским, пишите Денис лучше повесть

резвятся в саду эдемском, ловят элементарей сиреневых
сажают на спины улиток, бережно шепчут, роняют слова
бессвязных языческих гимнов, песенок детских затейливых
светлые бесы в роскошных постелях, млеет отрубленная
голова

скептики ищут по семьдесят два основания в сутки
на западе тлеет костер из остатков греховных и серы
мне поначалу предвиделось - нездешних миров промежутки
это слезы остывших, да слезы, в ночи зарождаются сферы
на флотилиях тех, не капитанов, ни юнг, ни матросов
только ветер да смех, салядинов успех, да Цезарии камень
отнюдь не спешу, просто где-то на юге не растворяется просо
снизу тлеет сентябрь, оцинкованных пальцев разгорается
пламень

я знаю о вашем доверии раби Шимону бен Леконья
что поставляет сирийцам персидские благовония
его изумрудное тело обвешанное амулетами
шииты рисуют на коже бронзовыми стилетами

а я лишь несчастный паломник из дальнего Халифата
ветер гуляет в дырах старенького халата
под сердцем четыре отметины с арамейскими знаками
В ступнях живет Шехина с тремя непальскими нагами

я падаю ниц в восхищении деянием раби Хия
под мраморным солнцем Эллады кормящего липкого змия
мои изощренные доводы вряд ли сойдут за признания
сто десять фарсахов колотых до чистого мироздания

Бомжи лезли вперед, словно
киношные зомби из восьмидесятых. Кромсали ножницами сало
на столе, хлестали дешевую
водку, горланили песни, занимались содомией.
Плакали, висели на крестах,
Говорили на местах
О бессовестной епархии
Епархии золотых зеркал
В тонкой лазурной жести
Колотые раны, сердечные
Кости и сухожилия съедены
Ржавчиной, солью, посаженной
клюквой, серой сорокой
Трутся о стекла, земные
Сказочники страны Бомжати
Слепые, несчастные
Дети Федора Михалыча
С разорванной грудью
Туберкулезной, Все
Все, К Катеночке
На праздник великого
Хлебостояния, да
Не погаснет звезда
Семнадцатая со дня
Великого разорения
Любители хорового пения
Дачники, отъявленные неудачники
Куклы неживые, но и не худые
Совсем, подверженные инфляции
Читающие прокламации
С ними главный дачник, по
Имени Вова, и бомжа одного, вот,
Тоже Вова звали, он был смешной такой,
С гунявыми губами и длинным носом
В бороде крошки, опилки и всякая всячина
Чернявый был, бутылочку, бывало, найдет зелененькую
Сядет и заплачен от умиления, и слезки, медные такие
С шепотом катятся по протухшим усам
Бутылочку Даша дала сердобольная
Из второго двора, где в парадном тепло, где
Окно еще открывается с шумом
Получается, что ничего ведь и нет

Трудна, подневольна слепая дорога
Нас в мире осталось не так уж и много
Пророк да священник, судья да мятежник
Столпом в поднебесье трескучий валежник
Две птицы, живущие в мёртвом бору
Пора по весне собирать детвору
Сгонять ребятишек для общего блага
Смотри - на усах собирается влага
Незрячий умелец присел на дорожку
Хлебал с чёрным хлебом гнилую крошку
Слепое убранство чужой терпкой хаты
В бездушную твердь завернулись закаты
Овсяные хлопья кружатся, стеная
Иль нам уготовлена участь иная?
Неужто не ляжем, ужель не завоем?
Нас почва накроет сырым перегноем
И песни прощальные, скорбные лица
Позволь тишиной гробовой насладиться
Заветные тропы в посёлки иные
Навеки ушедших трещат позывные
Но "смерть" лишь штришок на этюде забвенья
Христово-кровавое жжёт воскресенье

Перестаньте мусолить спичечку
В заляпанных пальцах, матовых
Поминать разнесчастливого Витечку
На морозах сибирских распятого

Знаю, тяжко вам было в изгнании
Голод, холод, метели да ветры
Износили, издергали, ранили
Бесконечных дорог километры

И сатрапов крики протяжные
И барачных озноб пугающий
Плахи сталинской вехи влажные
Пожиртели от рук "товарищей"

Выпьем спирта с тобой, по-маленькой
Пододвинься поближе, Альберт
Закуси, вот, медовым пряником
Как Московский Интеллигент

Трамвай был не полон и практически пуст
это Гребенщиков, кстати а не Пруст
И не Селин, и не Агнесса Барто
Какая-то гражданка в розовом манто

Зашла на остановке эдакой финтюфлюшкой
Двигая прокуренной, обезображенной тушкой
Села, нагло расставила ноги венозные
Задвигались, забалабанили бабы колхозные

Иш ты, расселась, лохундра горбатая
Таких на деревне правят лапатаю
Не можешь одеться как люди приличные?
Совсем охренели подранки столичные

И в считанные минуты, без особого старания
Гражданка превратилась в объект пристального внимания
Некий молодой человек, даже выронил четыре розы
Видимо, офигевший от подобной метаморфозы

Кстати, романтик, держащий розы - это Иванов
Про него тоже писал пресловутый Гребенщиков
Он живет на Петроградской, между кухней и сортиром
И с некоторого времени бегаёт по городским Овирам

Так ведь и нам тут подраться не долго
На западе течет буддийская речка - волга
Ламы кагьюпы не верят в бесцельное насилие
От него часто случается половое бессилие

Но Иванова, должен признать я, не слушал никто
Не бабы не дети, не гражданка в манто
Видимо, это карма у него такая нелепая
Быть неслышанным, да мухами облепленным

клокотание, в меру назойливое, на неровных ступенях
разбитый баян, липкая капелька крови, в постелях
замерзших квартир, мертвые греют друг друга телами
под полом оголтелые элементали, метафорами, делами
наслаиваются, плачут надрывно, отправляют под кожу,
вместе с раствором, звезд мирриады, мы все так похожи

Уселся в кресло с резными ножками, в патио, на окраине
Гаваны, надо мною птицы, подо мною почвы забавные всякие
Черноногая островитянка высунулась из окна третьего этажа
В ручке твердой, с коготками розовыми, ведро крепко сжато
Ведро пахучее, помоями наполнено, меняет расположение
В пространственных осях, наклоняется и нечистоты летят вниз
Заливают мою кудрявую голову, плечи покатые, руки
некрасивые
Я весь покрыт дрянью, я пропитан запахом гниющих томатов
Разлагающихся останков курицы, это месть, это жесть
Бакора, колдуна, семерых заговорщиков, тварей, вершителей
Культа Вуду, вновь рожденый в нечистотах взываю о
помиловании
О возврате к точке исхода, к языку допланетному, нежному
Радость вневременная, слабость неминуемая, отростки на
Тонкой коже несбыточных надежд, первичность бытия
Вторичность существования, на острове посреди Каррибов
Помоями облитый, стареющий, несчастный человек

Основатели града первого, тамплиеры в вонючих рубищах
Обладатели нрава скверного, покровители всех воюющих
Отведите меня в пристанище, бафомету скормите рогатому
Где плевалось красным ристалище, где хореи дружили с
закатами

Где зарницы горели золотом, пели песни свои печальные
Бога мертвого - каменным молотом низводили мосты
прощальные
Гримуара страницы стертые в переметной суме скукожились
Обескровленных лиц когортами - караваны небесные
множились

"Дэдди, неужели умер Рони?" - вопрошали дети всей страны
В Миннесоте, в Далласе, в Вероне - их сердечки нежностью полны
Нежностью к улыбке его светлой, взгляду, жестам, твердым кулакам
Он, оставил доброе наследство - веру в бога, землю батракам

Помним вечно, мы американцы, дети методистов и мормонов
Со страниц ниусвеековского глянца - Рейгана - любимца миллионов
Помним, как медведя подлых руссов - обуздал нараз, Он, на трень-брень
И число МакНаггета укусов возрастает каждый Божий день

Мальчик, просыпаясь рано утром, ты молитву богу сотворя
Потихоньку помолись на Рони, ведь родился ты совсем не зря
Поцелуй сестричку ненароком, упакуй три сэндвича, ты, в ранец
Выбрал, сын, тернистую дорогу, маленький-большой Американец

отъявленные начинатели, пустота
Появляется некто в сером
Посетитель небольшой Кирхе
Шляпа, волосы цвета пены
Пены облачной, не той, о которой подумали вы,
не пивной, под рубахой - набухшие вены
иссиня-прозрачная кровь, отголосок
Евразии, арийского детства, обрядности
Даже некоторой гуманности, отражающей
чресла, являющей солнце и небо
Всем богам пустыни. НА деревянном лице -
Беспокойство, приятное свойство быть
Свежее других, отважней самого капитана Немо
В огне, под горой - Наутилус, больная десна
Лишь боль да забвение, да ногти из льна
Обратно себе, невинна, а область длинна
Умом постигает степные народы, бесчинства ацтеков
Зачем, скажешь, брненное тело дано
Ответит - не слишком упрямясь, дави свое "Я"
НАгим молочаем, бобы, поддорожник
Скукожился, медленно едет по залу
Пентакль, да треножник, то волхв то безбожник
Осенний страдалец, не спит и не видит
Монокль из лосины, работы еврея, еврея
Из пражского сизого гетто, из смрада, из ада
Сапог без портянок, гнилых сухожилий
Он пил вместе с нами, из общего жбана
Когтистыми пальцами тискал, искал сострадания
Крупцу, да кто тут подаст - извели толерантность
За янки дают целых сто адыгейцев, зубастых
Смешливых, Авдей проявляет галантность
В галантерейном отделе, стояли и пялились
Женские страхи, они обращались обрывами
Корректируя действенность, осаждая завидность
Не похотью, а чистыми ребяческими позывами
Обращенные в рабство проклятым сексизмом
То тропики рака, то просто - охота совокупления
От лести, от мести, от правильного решения
Вернемся к истокам, к вошедшему гостю
На левой запонке - портретик, остывшие

Камни, заплаты, невыданные зарплаты, шахтеры
Принесенные споры, до хрипоты, до зевоты
Набросок, хозяин возвращается с охоты
Над правой запонкой - творение Батичелли
А в Лувре мерзко, глиняный колпак
Японцы бродят, прыгают качели
А наш герой всего лишь Ося Бродский
Иль Женя Рейн, иль Вовочка Высоцкий
Хотя скорее рваное кайло, окурочек
Да пачка Беломора, они уйдут, поверьте мне, нескоро
И все простите, на дворе - весна, любимая
Застыла у окна, над сенью - пластилин,
В коробочке - рассвет, люциферого крыла задрыга-тень
Ах, Ох, Ох, Ах, бардачные актриски, Ответьте
Где оставили надежду, неучто на Сенном
А может на Садовой? Мой город - его в разрезе
Нет, он просто межпланетное пространство
Подобие игры телевизионной, над кромкой острова
Тот непонятный блеск, ты принимал его за камень
Помнишь, как было, было все не так, реалии
Запутанные книги, клопы, зараза, лекции, интриги
И Мцыри подозрительно умолк, рыдает Лермонтов
Вершины гор заканчиваются часто междометием
Приход второй, отверстием отметим, что оставляет
Знаки на руках, таинственные словно игры Тота
Ах, Пердурабо, отмети их всех, за грань, за
Совесть, за святую месть ...

Закат неумерен, восход неприятен
От тыла до линии - несколько пятен
Кровавая бездна, от шума распяты
На мраморных плитах братушки-солдаты
Осенняя плесень, бинты затвердели
Под городом Ковно, в засаде сидели
Скорбели над трупом, окрасились синим
От боли мотало по черным Хатыням
От копоты млели, до пены блевали
Санбат перекрестным огнем поливали
В Разведку ходили - за инеем белым
За Родину крыли крыжовником квелым
В обозах - скотина, гниющий картофель
Иосифа пепельно-режущий профиль
Мордва и евреи, болотные тени
Победные песни, снежинки, капли
С утра - воевали, потом водку пили
Слегка умирали, совсем победили.

В приморских городах, в просоленных шалманах
Лабает диксиленд измученные негры
Дельцы лоснятся, шмыгают минервы
Нутром торгуя, отходя от кассы
И дефилируют смешные ловеласы
Стареющие мальчики с цветами
В петлицах согласованных костюмов
Пьют Граппу мерзкую за грошик
В тех тавернах, где славен ожиревший
Риббентроп, имеющий причины
К недовольству, и светленькую девочку
Сюзанну, развратную певицу детских песен
Из поселенья вскормленных созвездий
Провинции земли обетованной
Откуда столько ненависти к людям
Обетовавшим поле, лес и речку
На стыке полюсов - созвездье судеб
Над эфирностью летает сонный чечЕн
У Шивы извлекающий уроки
Там в темноте завяли альпенштоки
И Троцкий замолчал, в пределах - вечность
Иосифу воздайте за конечность
А Дугину отдайте сто двенадцать
Тех королевств с упавшими богами
Покрытых inferнальными снегами.
С неудержимой похотью чухонки
Сношают на капище евразийца
Метровым бивнем чудо-бехемота
Ласкают чресла желтыми крюками
Пропахшими гниющей солониной
Поют чудные гимны Калевалы

Значит мне показалось
Земля от меня отрекалась
Небо на мне висело
Карусель за окном скрипела
Воробей возвратился в чашу
На пороге - день кричащий
От мороза замерзли пальцы
Шьет пальто ему Слава Зайцев
Братец Штраус играет вальсы
Авалон не танцует сальсы
Праважали генсека в вечность
В метро взорвалась человечность
На Пархоменко лопнули трубы
У моих губ - чужие губы
Открываю бутылку спирта
Ангел Петя желает мирта
Мэд профессор играет в клубе
У Фиделя завал на Кубе
Альпинистов придали огласке
Иисус в озере Тиберианском
Магомета прищур армянский
Был Ницше - теперь стал Щаранский
Побелите серые стены
Самолетом - два раза в Вену
Осквернили страницы книги
В униссон дозревали фиги
Два китайца пишут романы
Стюардессы не верят в обманы
Скифы молча плюют с высоты
Голотьба надрывает глотки
Я обмяк от такого расклада
Трансвеститы исчадия Ада

Есть такое слово - смерть
Ты можешь здесь и снова
Смерть - есть такое слово

Ах, есть ли у нас козлы?
Печали тех дней пролетели
На томную пакость росы
Два олененочка сели
Один - продавец индульгенций
Остаточный гений из ЦУМа
На службе корявых потенций
Отвязный как шашка Мицумо
Второй, с головой из бумаги
Несет покаяние массам
Больные шумерские раки
К нему забрались на террасу
Обрыдло стояние в месте
Таком непорочно зачатом
И где-то в шальном поднебесье
Вибрирует маленький атом

Но это не беда, мои фаллахи
Взметнутся ввысь под небом Палестины
Черты их лиц туманны как рубахи
Той девственной гражданки Украины
А бога нет, как не было и дяди
И всех нас не было и никогда не будет
Спросите тетю из шестой палаты
Она подвинется и нежно вас осудит
В плену надежд, невежд и абстиненций
За вязкой буквой псевдо-Шариата
Насрете Вы на прах Женев конвенций
И лично изничтожите Рахата
Рахата мерзкого, ну а потом Луккума
И девочку с печальными глазами
Зеленый пояс позабывши дома
Несетесь вы на встречу с небесами
И Дауна аморфною улыбкой
Вы озарите местные Дженины
Клейми Аллахом мальчика со скрипкой
И молча принимай амфетамины

Когда идет бессмертье косяком
Вы с кокаином отложите ложку
Не рефлексируйте на слово "Ом"
Не примеряйте Авеля одежду

Ох, плохо мне опять
Пойду любить постель
Ведь некого любить
Стремиться коростель
Нам предназначить дивные минуты
Над городом летают лилипуты
Такие гладкие, как попа у мулатки
Глаза в ночи той нестерпимо ярки
Ах горький рок - разлучник Дядя Веня
Блюет в метафизической нирване
А мне остались крыц да провода
Я больше не вернусь уже сюда
Где плакали болотные лягушки
Солдат Матвей уж не похитит пушки

Девки голые пошли в озере купаться
Побежал за ними поп *воцерковляться*
А они ему Изыди хуй дадим бесплатно
Только мне ребята это как-то *пубертатно*

В очечках мудацких педрила латентный
С книженкой подмышкой дрейфует на льдине
Узнайте друзья молодого студента
И в морду заедьте бездарной скотине

регге для рейха
мальчики в черном
осколок заката
в окне закопченном